

ся с праздниками, традициями страны изучаемого языка, реалиями быта, с детскими художественными произведениями страны изучаемого языка через сказки, мультипликационные фильмы, фольклор. Нужно знакомить учащихся с географическим положением, историческими данными страны изучаемого языка. Развитие социокультурного компонента происходит за счет введения в учебное планирование УМК издательства Oxford University Press.

Литература

1. Алексеев, А. П. Краткий философский словарь [Текст] / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев. – 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : РГ-Пресс, 2012. – 496 с.;
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения [Текст] : избранные произведения в трех томах / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Москва : Издательство политической литературы, 1970.;
3. Кохановский, В. П. Философия : Конспект лекций [Текст] : учеб. пособие / В. П. Кохановский, Л. В. Жаров, В. П. Яковлев.- 16-е изд., стер. – Москва : КНОРУС, 2013. – 192 с.;
4. Краткий курс по философии [Текст] : учеб. пособие. / Краткий курс по философии. - Москва : Окей –книга, 2013.- 157 с.;
5. Пыхтина, Т. Ф. Философия. Хрестоматия [Текст] / Т. Ф. Пыхтина. – Новосибирск : НГУЭУ, 2008. – 100 с.

*Летягин Л.И.,
г. Екатеринбург*

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ: ПОСТНЕКЛАССИКА

Особый интерес, проявляемый к проблеме соотноше-

ния науки и идеологии, сегодня отражает те фундаментальные революционные изменения, которые претерпевают обе стороны этого отношения. Они связаны, прежде всего, с теми радикальными изменениями, которые охватывают все основные аспекты понимания науки: 1) как системы знания; 2) познавательной деятельности – её целей, принципов, средств, регулятивов; 3) социального института, выполняющего определенные функции в социальной системе, как одного из важнейших условий функционирования и развития общества.

Мы имеем в виду появление нового типа рациональности, в основе которого лежат следующие особенности : 1) системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [1; с. 249-251].

Если кратко сформулировать суть «новой» эпистемологии, то она заключается в признании периферийности таких требований истинности знания, как его наглядность и эмпирическая проверяемость, что характерно для «классической» и, в определенной степени, для «неклассической» науки и, самое главное, того, что между познающим разумом и объектом его познания существует «посредник» - человеческая деятельность.

С этих позиций научный разум теряет свою «суверенность» («нейтральность», «отстраненность») и «предстает не как дистанцированный от мира чистый разум, а как включенный в мир, развивающийся вместе с развитием деятельности, формированием ее новых видов, целей и средств» [1; с. 249-256], то есть разум, детерминированный культурой, содержанием которой являются, помимо предшествующего теоретического знания, различного рода нормы, ценно-

сти, мировоззренческие установки, представляющие собой конкретно-историческое и иерархическое системное единство.

Генеалогия и топология познавательного процесса оказывается многомерной.

«Вопреки классической эпистемологии, - отмечает В.Г. Федотова, - истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [2; с. 50].

Это закономерно приводит к изменению представлений о критерии истинности (ложности) тех или иных теоретических положений или теорий в целом – истинным оказывается то, что в данном интервале является ценным, то есть благом. Именно поэтому развитие «постнеклассической» науки предполагает преодоление той принципиальной и полярной «классической» и менее «жесткой» в «неклассической науке» дихотомии, противопоставлявшей ценность и знание.

«Постнеклассическая» рациональность начинает рассматривать не только научные знания с точки зрения их прагматической ценности, но *сами эти ценности как форму знания*.

Такого рода изменения, которые происходят в рефлексии над научным познанием, вызывают неоднозначную реакцию.

На противоречивость сложившейся ситуации обращает внимание А.П. Огурцов.

Экстраполяция аксиологии на сферу научно-теоретического знания, по его мнению, «приводит к релятивизации Истины и способов ее достижения, к отождествлению регулятивов познания и оценки, к подмене познаватель-

ных актов актами оценки, эйдетического дискурса этико-аксиологическим дискурсом. Абсолютизация аксиологического подхода, превращение Истины в ценность определенной культуры, отождествление двух различных видов дискурсов чревато и тем, что Истина подменяется какими-то другими праксеологическими по своему содержанию регулятивами. На место Истины как регулятива познания выдвигаются новые весьма прагматичные критерии и регулятивы — полезность, эффективность, правдоподобие, приложимость, простота, точность и пр.» [3; с. 67], значение и смысл [См.: 4; с. 48-57] и т.д.

Но если истинным признаётся то, что ценно (полезно), то возникает вопрос о генезисе и топологии этих ценностей.

Здесь, на наш взгляд, недостаточным будет признание «направленности (науки – Л.Л.) на поиск истины и рост истинного знания в синтезе с поиском и реализацией гуманистических идеалов» [5; с. 87].

Во-первых, вопрос заключается в том, является ли содержанием этих идеалов «действительный» и «подлинный» культурный «код» человечества, или, поскольку артикуляция социальных ценностей практически всегда связана с разнообразными (экономическими, политическими, национальными, конфессиональными и т.д.) интересами и возникающими между ними противоречиями и определяется не только собственно научной, но и «внеаучной» динамикой этих противоречий, как противоречий в нормах, идеалах, «проектах» в их историческом контексте, то не подвергаются ли эти ценности, включая их иерархию, сознательной целенаправленной интерпретации в угоду интересам определенных групп, социальных институтов и, прежде всего, институтов власти.

«В насквозь организованном обществе, - подчеркивает Х. - Г. Гадамер, - каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И науч-

ное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам» [6; с.11].

Во-вторых, это прямо касается проблемы идентификации, кодификации этих «гуманистических ценностей», необходимости «нового» прочтения проблемы их топологии и генеалогии.

Мы имеем в виду необходимость ревизии классического понимания этих ценностей как ценностей «добра», «блага», априорно присущих человеческой природе, становление и изменение которых подчинено *объективной* логике развития человеческой деятельности, как реализации этой природы.

Обоснование истинности научных знаний направленностью в решении общечеловеческих, глобальных проблем, таким образом, может оказаться предметом манипулятивного воздействия, в ходе которого в разряд этих проблем целенаправленно включаются те, которые считаются «полезными» здесь, сейчас или в более или менее отдаленной перспективе, что означает использование авторитета науки в обеспечении реализации какого-либо «проекта», позиционируемого как соответствующего общечеловеческим ценностям, целям «прогресса». Тем самым наука включается в идеологический алгоритм в качестве его важнейшего элемента, обуславливающего эффективность социального (политического) управления.

Здесь во многом повторяется ситуация средневековья со знаменитым требованием, выдвинутым Фомой Аквинским по отношению к философии, главной функцией которой он считал служение нуждам богословия с той лишь разницей,

что сегодня наука может выступать в качестве «служанки» идеологии.

Если признать, что в современном обществе потребность в научном знании приобретает исключительно инструментальный ценностно-нормативный характер, обусловленный стремлением к «общему благу», то это означает: а) что истинность теоретических положений оценивается с позиций их идеологической (политической) модальности; б) требования к науке, приобретающей форму существования и функции близкие идеологии, заключаются не в том, чтобы «понимать мир, ни что-то в нём улучшить. От неё постоянно требуют незамедлительно оправдывать происходящее» [7; с. 143].

Характеризуя развитие теории идеологии в рассматриваемый нами период развития науки, необходимо, хотя бы в самом общем виде обозначить тенденции и перспективы решения проблемы её отношений с идеологией.

Главное, на что, как мы полагаем, следует обратить особое внимание, это «новое» понимание объекта и субъекта познания, необходимости продолжения рефлексии над социальным познанием и тех ценностно-целевых (мировоззренческих) ориентаций, которые начинают доминировать в общественной и индивидуальной деятельности.

Своеобразной границей, разделяющей «классическую» и «неклассическую» формы существования социальной эпистемологии, стало осознание уязвимости идеи «неуклонного» и «линейного» прогресса в развитии общества, связанного с возникновением глобальных проблем.

Среди основных следствий этой ситуации можно выделить: 1) необходимость исследования опасностей и «пределов» развития тех научных направлений, которые могут привести к исчезновению человеческой цивилизации, что означает переход «к конкретному анализу этических регулятивов научного знания, моральных коллизий, возникающих с

развитием биомедицинских технологий и осознанием ядерной опасности, экологического кризиса и т.д.; 2) определенную переоценку взглядов на развитие общества как объективный естественно-исторический процесс *прогрессивного* развития, осознание того, что он содержит в себе реальные и противоположные объективные альтернативы (в том числе – возможность регресса) и «проекты», выбор из которых не телеологичен, что «невидимая рука» исторической необходимости – это рука человека, осознанно или неосознанно, делающего этот выбор и подчиняющего историю своей «человеческой необходимости»; 3) усиление роли и значения философской рефлексии понятий прогресса, общечеловеческих ценностей, понимании необходимости в целенаправленном формировании «новой» культурной идентичности человека, как одному из основных условий решения глобальных проблем.

В этих условиях необходимо создание новой идеологии как системы взглядов, идей (концепций, программ), возникающих на основе конкретно-исторической социальной теории, в которых абсолютизируются (сакрализируются) приоритетные интересы, ценности, смыслы всего человечества в качестве «предельных», «конечных» (общечеловеческих), даётся представление об «идеальном» проекте устройства будущего общества, об императивной необходимости его практической реализации, о путях, средствах этой реализации.

И здесь особую роль должна сыграть философия, по-новому осмысливая «природу человека» [8], проблему «смыслов» его жизни, индивидуальных и общественных ценностей и т.д. Необходима новая социальная теория и новая идеология, сакрализирующая эти «смыслы» и «ценности», как императивные смыслы и ценности «общего» («глобального») блага».

Литература:

1. Степин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения//Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб, Издательский дом «Мирь», 2009;
2. Федотова, В.Г. Классическое и неклассическое в социальном познании //Общественные науки и современность. 1992. № 4;
3. Огурцов, А.А. Благо и истина: линии расхождения и схождения// Благо и истина: классические и неклассические регулятивы /РАН. Ин-т философии; отв. Ред. А.П. Огурцов. – М, ИФ РАН, 1998;
4. Маркова, Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине //Эпистемология и философия науки Т. XXII, 2009 №4. С. 48-57;
5. Прохоров, М.М. Наука и современность //Философия и общество. 2013. №1;
6. Гадамер, Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. 2000. № 1;
7. Дебор, Г. Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. М., Логос, 1999;
8. Вот что пишут по этому поводу Л. Стевенсон и Д. Хаберман в своей известной работе «Десять теорий о природе человека», рассматривая различные антропологические теории, как «идеологии человеческой природы». Идеология, по их мнению – это «система представлений о человеческой природе, которую разделяет определенная группа людей в качестве основы своего образа жизни», «она больше, чем теория, но она включает в себя некую теоретическую концепцию человеческой природы». – Стевенсон, Л., Хаберман, Д. Десять теорий о природе человека. М., Слово, 2004. С. 49.